

НЕ ДѢЛО Г. КОРЦИНЬ-ЖУКОВСКАГО.

Взять талантливое произведение русской литературы и, искажив и опопхлив его, пустить въ публику—это, конечно, не дѣло (чтобъ не сказать хуже!), но г. Корцинъ-Жуковский хочетъ изъ этого сдѣлать «дѣло» и прислалъ въ редакцію «Новаго Времени» письмо, въ которомъ старается увѣрить, что ему дороже всего на свѣтѣ истина, а вовсе не поспешительная плата.

Вотъ это письмо:

М. Г. Господинъ редакторы!
Покорнѣйше прошу, для выясненія истины, не отказать напечатать слѣдующее:

Въ № 7760 редактируемой вами газеты «Новое Время», отъ 4-го сего октября, была помѣщена статья г. Щеглова, въ которой меня обвиняють въ плагиатѣ, доходящемъ до «граціи». По словамъ статьи, я умышленно яко бы скрылъ источникъ заимствования своей пьесы «Волшебные звуки» (C'est Féérique), напечатанной въ журналъ «Театраль» № 121, и ограничился тѣмъ, что написалъ на заглавномъ листкѣ: «скопировать отчасти заимствованъ». Дѣйствитель-

но, я заслуживалъ бы клички «вора», если бы поступилъ такъ, какъ диктовала г. Щеглову его пылкая, доходящая до «граціи» фантазія, но, къ счастью, дѣло было далеко не такъ. Причина, побудившая меня скрыть имя автора и заглавіе произведенія, откуда я заимствовалъ сюжетъ своей пьесы, слѣдующая: написавъ пьесу, я, прежде чѣмъ отослать ее въ драматическую цензуру, письменно обратился къ г-жѣ Микуличъ съ просьбой позволить мнѣ заимствование и сохранить за пьесой названіе очерка «Мимочка на водахъ» (хотя по закону я имѣлъ право заимствовать и безъ разрѣшенія, такъ какъ 1/2 въ пьесѣ оригинальнаго, чего самъ г. Щегловъ не опровергаетъ), на что г-жа Микуличъ любезнымъ письмомъ отъ 2-го марта сего года (прошу замѣтить, что пьеса «Волшебные звуки» разрѣшена 17-го марта) дала мнѣ свое согласіе, съ тѣмъ, однако, чтобы ея имя не фигурировало ни на заглавіи, ни на афишахъ, и героиня пьесы не носила бы имени героини очерка. (Подлинное письмо г-жи Микуличъ при семъ прилагаю). Вотъ въ силу чего я скрылъ источникъ заимствования.

Что же касается обвиненія, что я будто бы списалъ нѣкоторыя сцены изъ пьесы г. Щеглова «Въ горахъ Кавказа» и помѣстилъ ихъ въ свою пьесу, то увѣрять въ этомъ смѣшно и смѣло. Общее въ обоихъ пьесахъ развѣ только то, что дѣйствіе сказанныхъ фарсовъ происходитъ въ Кисловодскѣ и дѣйствующія лица (2-е дѣйствіе моей пьесы), по несчастію ходятъ парочками и, говоря о любви, попадаютъ въ «аллею вздохомъ» (у Щеглова «гротъ любви») каковыхъ мѣстностей въ Кисловодскѣ въ дѣйствительности не существуетъ *). Далѣе г. Щегловъ увѣряетъ, что я и нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ выхватилъ изъ его пьесы, а именно: «офицера съ роковымъ взглядомъ» я переименовалъ въ «офицера съ инициативой», а «чахоточнаго господина» въ «желчнаго» и т. д. Мнѣ очень жаль, что на этотъ разъ память г. Щеглова измѣнила, а потому я беру смѣлость напомнить ему, что въ очеркѣ «Мимочка на водахъ» выведены и «офицеръ съ инициативой» и «жалчный господинъ». Гдѣ же логика обвиненія? Итакъ, указавъ на источникъ заимствования «Волшебн. звук.» г. Щегловъ наивнымъ образомъ разбиваетъ самого себя. Можетъ быть, по мнѣнію И. Щеглова, запрещается выводить въ пьесы офицеровъ съ эпитетами и болѣзненныхъ субъектовъ и право авторства исключительно принадлежитъ автору пьесы «Въ горахъ Кавказа», то при всемъ моемъ желаніи я съ такимъ мнѣніемъ согласиться не могу. Тогда обвинять нужно г-жу Микуличъ въ томъ, что она осмѣлилась въ своемъ очеркѣ вывести «офицера съ инициативой» и т. п. лицъ, такъ какъ пальма творчества принадлежитъ г. Щеглову.

Но да проститъ г. Щеглову Аллахъ... да проститъ ему и уважаемая писательница г-жа Микуличъ, что по его вину въ этой исторіи замѣшано ея имя. Вина всецѣло падаетъ на г. Щеглова, который, не спросивъ бродя оу г-жи Микуличъ, разоблачая (?) меня, наивно разыгралъ предъ г-жей Микуличъ услужливаго «Мишку» въ Крыловской баснѣ.

Я убѣжденъ, что послѣ настоящаго письма г. Щегловъ не постыдится, признавъ свое обвиненіе нелогичнымъ, оправдать меня предъ Обществомъ Русскихъ Драматическихъ Писателей, къ которому онъ възываетъ. Мое имя, какъ справедливо было замѣчено, «неизвѣстное», но я имъ дорожу не хуже, какъ и г. Щегловъ своимъ.

Примите и проч.

Н. В. Корцинъ-Жуковский.

Гор. Тула, 10-го октября 1897 г.

А вотъ и «любезное» письмо г-жи Микуличъ (Л. П. Веселитской), рисующее нѣсколько въ иномъ свѣтѣ «исканіе истины» г. Корцинъ-Жуковскимъ:

Милостивый государы!

Ваше письмо огорчило меня. Нѣсколько дѣтъ назадъ кто-то изъ Харькова писалъ мнѣ, прося разрѣшенія передѣлать «М. на водахъ» для сцены. Я, конечно, убѣдила ее (это была дама) не дѣлать этого, такъ какъ всякій дуракъ видитъ, что изъ моего очерка ничего нельзя сдѣлать для сцены. И дама сдалась.

Вы, какъ мужчина, поступили съ большей энергіей: написали пьесу и тогда только вспомнили обо мнѣ. Я справлялась у моихъ знакомыхъ изъ «Нов. Врем.»—могу ли я не разрѣшать, и узнала, что, слава Богу, могу. Ничего не имѣю противъ того, чтобы ваши дѣйствующія лица, кромѣ героини, носили тѣ же имена, что и дѣйствующія лица моего очерка, чтобы встрѣчались общія положенія, словомъ, чтобы было что-нибудь напоминающее «М.» и т. д. Но объ одномъ васъ покорнѣйше прошу: дать другое заглавіе вашей пьесѣ и не упоминать моего имени ни при заглавіи, а тѣмъ паче въ афишахъ и объявленіяхъ. Я увѣрена въ томъ, что вы можете сдѣлать это и сдѣлаете.

Простите, если не любезно то, что я дѣлаю; но я думаю, что вамъ не будетъ большаго ущерба, если вы назовете свою пьесу «Ниночка на водахъ» или «Лиличка на водахъ» и пр. и подпишете одно свое имя, такъ какъ я тутъ совершенно не при чемъ, а «Мимочка» достаточно уже набилъ мнѣ оскомину и не выступая на подмостки. Ради Бога, переименуйте заглавіе и не отбейте у меня окончательно охоту напечатать еще что-нибудь.

Примите и пр. Лидія Веселитская.

Едва ли надо прибавлять много къ этимъ двумъ письмамъ, ибо простое ихъ сопоставленіе... въ достаточной мѣрѣ отбѣиваетъ какъ самую личность г. Корцинъ-Жуковскаго, такъ и достойную манеру его «творчества». Охотно, поэтому, уступаю столь желательную ему «пальму творчества» въ той десятой доль его произведенія, которую онъ

принимаетъ за «оригинальную» и—откровенно сознаюсь—не имѣю ни гражданскаго мужества, ни литературнаго досуга вступать въ какую бы то ни было полемику съ такимъ недалекимъ господиномъ.

Что г. Корцинъ-Жуковский дорожитъ своимъ «неизвѣстнымъ именемъ»—это, конечно, хорошо, но было бы еще лучше, если бы онъ дорожилъ русской литературой и щадилъ «извѣстныя имена» отъ искаженія и опопхленія! До чего, однако, г. Корцинъ-Жуковский настойчивъ и недогадливъ, видно изъ другого его письма, отъ 9-го октября, (любезно предоставленнаго въ наше распоряженіе г-жей Микуличъ), гдѣ онъ не только ни въ чемъ не признаетъ себя виновнымъ, но еще проситъ автора «Мимочки» выдать ему, Корцинъ-Жуковскому, нѣчто въ родѣ гласнаго удостовѣренія въ своемъ писательскомъ благородствѣ, ставя такимъ образомъ авторскому великодушію г-жи Микуличъ новое незаслуженное испытаніе. Рочемъ, было бы весьма недурно, еслибъ одобныя удостовѣренія въ писательскомъ благородствѣ направлялись, на будущее время, непосредственно въ Общество русскихъ драматическихъ писателей, которое, по нашему мнѣнію, призвано не только охранять матеріальные интересы его членовъ, но также и интересы отечественной словесности.

Что же касается «медвѣжьей услуги», будто бы мной оказанной г-жѣ Микуличъ, то г-жа Микуличъ, ознакомившись съ передѣлкой г. Корцинъ-Жуковскаго, уполномочила меня переслать эти слова обратно, въ гор. Тулу, по назначенію.

Единственное неудобство можетъ быть лишь въ томъ, что съ легкой руки г. Корцинъ-Жуковскаго, явятся, пожалуй, новыя подражатели и искажители бѣдной Мимочки... Есть, какъ извѣстно: «Мимочка невѣста», «Мимочка на водахъ» и «Мимочка отравилась»,—а теперь, чего добраго, появятся вдругъ: «Мимочка въ участкѣ», «Мимочку обокрали», «Мимочка напумѣла» и,—какъ послѣдствіе послѣдняго,—уже вовсе нежелательное завершеніе цикла... «Мимочка надобѣла».

А потому, выяснивъ истинное положеніе вещей, считаемъ своевременнымъ поставить «не дѣлу г. Корцинъ-Жуковскаго»—точку!

Ив. Щегловъ.

С.-Петербургъ, 21-го октября 1897 г.

*) У Щеглова, однако: «гротъ вздохомъ»; есть у К. Ж. и другія таинственныя «совпаденія», распространяющіяся о которыхъ не представляется ни малѣйшаго интереса для публики.

Новое время отъ 1897 г. 22 октября